

Писатель должен быть Идиотом, а не Мастером

Андрею Платонову — сто лет

Вс. Москва. — 1999. 1 сент. С. 5

отголоски идей Николая Федорова и идеи победы техники. Но сами идеи не важны — они могут быть более утопические, даже смехотворные. Важно, как они преломляются в слове. Его верой была вера в слово, которое действительно очень близко к Богу.

Есть два вида писателей: писатели, которые являются инструментом для слова, и писатели, для которых слово является инструментом. Скажем, на примере Маяковского, который был очень мощным автором, можно проследить, как он из писателя — инструмента для слова превратился в писателя, оказавшегося над словом, сильнее слова. У Булгакова даже в самом названии «Мастер и Маргарита» есть глубочайшая методологическая ошибка. Настоящий писатель не должен быть мастером, он должен быть как раз тем идиотом, каковым и являлся Платонов.

Можно, конечно, кормить публику тем варевом, которое она желает потреблять. Таким путем пошли, например, американские режиссеры вроде Спилберга или Тарантино. Спилберг сначала продемонстрировал свое умение видеть мир совершенно особенным образом, но потом понял, что публике это не нужно. Публика-то думает, что Спилберг — ее режиссер, а он на самом деле полон внутреннего отчаяния и презрения. Но это игра высокого уровня. У нас многие хорошие писатели играют в такие профессиональные игры — в китч. А плохие — сами являются той самой публикой и демонстрируют победу публики над литературой. Литература в XX веке проиграла войну в отличие от музыки или живописи, которые сумели выработать свой собственный дискурс и в нашем столетии. Литература хиреет не потому, что романы плохие, а потому, что слово используется не по назначению. Его суть сведена к кажущейся повседневности. При таком использовании слова лучше заниматься другими, более реальными вещами — Интернетом например. Но не литературой. И в этом смысле Платонов — как раз предмет той литературы, которая пыталась выработать свой дискурс.

Литература выживет в XXI веке, только если сумеет совершить подобный прорыв. А пока же, повторяю, она проигрывает войну. Меня сегодня провожал в аэропорт министр культуры Германии, в прошлом умнейший журналист, и я сказал ему: «Ты же понимаешь, что мы проиграли?» (есть такие министры, с которыми можно говорить о подобных вещах — они поймут). И он мне ответил, что ничего не может поделать, даже с помощью тех миллиардов, которые выделяются в Германии на поддержку литературы.

Нас ждет катастрофа гораздо более страшная, чем солнечное затмение или конец света, — окончательное оглушение и опрожнение человека. Ведь человек остается человеком только благодаря рефлексии, мысли, литературе. На таком фоне столетие Платонова — печальный юбилей. Если сравнивать его с Пушкиным, Гете или Набоковым, чьи юбилеи сейчас тоже отмечаются, ему повезло меньше всех.

Слушала Ольга ФУКС

Размышляя об одном из самых сумрачных, провидческих и непонятых писателей (несмотря на преклонение интеллектуалов), писателя, создавшем ни много ни мало собственный язык, наш собеседник Виктор ЕРОФЕЕВ (который уже не в первый раз делится с читателями «ВМ» размышлениями о классиках XX века) не мог не выйти на разговор о литературном и общекультурном контексте его творчества и даже о нашем будущем — на то и Платонов.

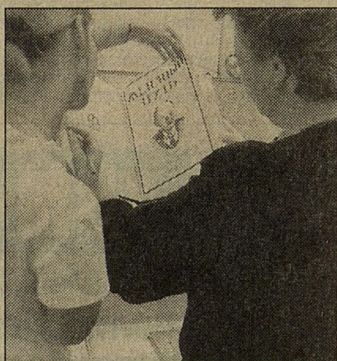
Платонов не может быть писателем для большинства, и в этом его парадокс. Глубина его заключается в том, что он дал слову ту свободу, которую в русской литературе мы можем наблюдать еще разве что у Гоголя. Платонов в XX веке выполнил функцию Гоголя — отпустил на свободу слово, и слово стало больше, его самого (что уже является знаком хорошей литературы). Если Гоголь в «Мертвых душах», желая всего лишь обличить человеческие пороки, в результате отразил Россию в какой-то ее вечной сущности, то Платонов показал Россию в ее коллективном бессознательном. И даже сам этого не понял. Недаром он просил Горького опубликовать «Чевенгур» и «Котлован», а тот только шарханул — и понятно почему. Платонов же этого не понял. В этом смысле Платонов — Идиот с большой буквы. Такой писатель не дорастает до масштабов своего произведения.

Платонов, как и Гоголь, это такой «штучный товар», который появился, с одной стороны, для того, чтобы понять, кто мы такие, а с другой стороны, его знание совершенно невозможно проецировать на какое-то полезное социальное строительство. А еще Платонова и Гоголя сбли-

жает то, что их очень трудно перевести. Платонов затрагивает такие пласты русского языка, которые фактически не отражают никакой ментальности, кроме русской (к счастью для Запада). Как правило, переводы Платонова очень формальны, и на Западе он не был воспринят в отличие, скажем, от Хармса,

чье интеллигентское отчаяние по своей катастрофичности очень близко к западному мышлению (чего как раз у Платонова и нет). Во Франции слависты, воодушевленные платоновским гением, издали его в переводе. Я знаю, что было продано только 800 экземпляров, а это фактически полный провал. Так же обстоят дела и в Англии, и в Германии. И в этом смысле Платонов — полная противоположность, скажем, Набокову, который показал себя в России, разделил и противопоставил «Я» и «Мы». «Приглашение на казнь» — очень доступная для западного человека вещь. Платонов же — это только «Мы». Конечно, Платонов привнес свои идеи, которые сегодня кажутся идеобразной религиозной утопией. У него есть

Неоплатоникам

В 20-е годы Платонов работал на железной дороге, а стихи печатал в журнале «Железный путь».

Машинист суровой прозы

Елена КАРПЕНКО

Писатель Андрей Платонов больше всего любил «паровозы, машины, поющий гудок и потную работу». На своем веку кем он только не был: машинистом, мелиоратором, руководил электростанцией. Повести с рассказами писал, что называется, без отрыва от производства. Работа вдохновению не претила. Была хоть и потная, но романтическая. Страстная любовь Платонова к паровозу, этому «нежному, беззащитному существу» дала жизнь многим его опусам, и не только литературным. Ему принад-

лежит ряд технических изобретений, например прибор для нанесения плана по данным тахеометра. Патенты на изобретения и почти все сочинения писателя собраны на выставке к 100-летию со дня его рождения, которая открылась вчера в РГБ. На экспозиции были представлены как современные издания Платонова, так и вышедшие еще при жизни автора. Среди них некоторые его малоизвестные работы: стихи, пьесы, киносценарии, критические статьи. Современные «неоплатонники» получили возможность встретиться с дочерью писателя М. А. Платоновой. Выставка продлится до 10 сентября.